

ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

УДК 343.982

И.А. Акулова

ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ ВИДОВ И НАПРАВЛЕНИЙ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РЕЧИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВА ИХ РЕШЕНИЯ

Традиционно в криминалистике сложились два основных раздела криминалистической техники, занимающихся исследованием признаков письменной и устной речи, – криминалистическое исследование письма, включающее в себя почерковедение и автороведение, и криминалистическая фоноскопия. Вместе с тем, несмотря на достаточно долгий и успешный путь становления и развития этих научных направлений, анализ литературы наглядно демонстрирует несогласованность мнений отечественных ученых-криминалистов в определении их места и роли в общей системе криминалистики. Подобное расхождение во взглядах, очевидно, обусловлено историческими причинами. Так, первоначально теоретические положения и методики исследования письменной и устной речи в криминалистике разрабатывались самими криминалистами, основывались на общеизвестных закономерностях механизма функционирования речи и не предполагали каких-либо углубленных специфических знаний и умений по их использованию. Однако в процессе своего совершенствования по закону дифференциации и интеграции научного знания почерковедение и фоноскопия вобрала в себя теоретические и практические достижения научных дисциплин, составляющих систему знаний об условиях и закономерностях речевого поведения человека, и вывели соответствующие направления криминалистических экспертиз на новый, более сложный уровень развития, требующий профессиональных специальных познаний, в силу чего они приобрели самостоятельное значение. Таким образом, например, из криминалистического почерковедения в 70-е гг. XX в. выделилось автороведение, превратившись в самостоятельный вид экспертизы. На определенном этапе подобная дифференциация научного знания по объектам исследования имела очень важное значение, так как способствовала проникновению в криминалистику новейших знаний и методов исследований в области лингвистики, психологии, социологии, медицины, что усилило теоретическую и прикладную базу криминалистического исследования письма, привело к выявлению более сложных закономерностей и взаимосвязей между различными формообразующими элементами письма как высшей психофизиологической функции человека, играющей важную социальную роль и объективируемой посредством языка.

На данный момент отмечается два противоположных подхода к определению места автороведения в общей теории криминалистики. Первый подход свойственен в первую очередь криминалистам и объединяет по смыслу такие явления, как «письмо», «письменная речь» и «почерк». В результате в одном учебнике под криминалистическим исследованием письма подразумевается судебное почерковедение [1, с. 270], в другом – автороведение [2, с. 179–180]. Отдельные ученые и вовсе лишают автороведение права на существование, относя установление автора документа и его групповой принадлежности к задачам судебно-почерковедческой экспертизы [4, с. 100–101; 9, с. 166–178]. Второй подход обусловлен появлением новых направлений экспертных исследований, использующих специальные лингвистические познания для установления тех или иных языковых и речевых фактов. Так как данные направления до сих пор не получили своего обоснования и закрепления в общей системе криминалистики, то попытка определения их места в системе судебных экспертиз в Российской Федерации привела к появлению нового рода судебно-лингвистических [11] или судебно-речеведческих экспертиз [12, с. 371–393], к которым отнесена и автороведческая экспертиза. Таким образом, автороведение искусственно отделено от почерковедения и уже не рассматривается как составляющая криминалистического исследования письма. Оба подхода допускают серьезнейшую гносеологическую ошибку, заключающуюся в игнорировании самой природы письма.

Письмо – это «знаковая система фиксации речи, позволяющая с помощью начертательных (графических) элементов передавать речевую информацию на расстоянии и закреплять ее во времени» [10, с. 571]. В основе процесса письма лежит осознанная речевая деятельность человека, особенности функционирования которой, безусловно, находят свое отражение в почерке. Из этого следует, что в единой отрасли криминалистического исследования письма почерковедение и автороведение являются двумя самостоятельными, но тесно взаимосвязанными сторонами одного целого. Игнорирование одной из этих сторон или их отделение друг от друга на основании различных критериев, несомненно, приведет к нарушению корреляционных связей между объектами исследования, недооценке необходимости наличия тех или иных специальных знаний о сложном комплексном механизме письма, что, в конечном итоге, скажется на ослаблении теоретического фундамента данной отрасли криминалистики и ее сведении до уровня развития преимущественно технической и инструментальной сторон исследований.

Приверженность укоренившимся традициям и стремление развивать новые направления криминалистических исследований должны учитывать сложившиеся в науке внутринаучные связи, а комплексирование и дифференциация уже существующих и вновь формирующихся видов и форм получения и использования новых знаний о предметах и явлениях объективной реальности должны осуществляться с учетом сложноорганизованной природы данных предметов и явлений. В данном случае сохранение комплексности изучения речи и письма, письма и почерка важно для всей отрасли в целом, так как при решении частных экспертных задач признаки почерка или письменной речи в объектах экспертного исследования не всегда могут быть обнаружены. Подобное происходит, например, при исследовании подписей в почерковедческой экспертизе или если текст, являющийся объектом автороведческой экспертизы, выполнен при помощи печатного устройства или представлен в форме электронного документа. Таким образом, несмотря на тесную взаимосвязь объектов исследования, автороведение и почерковедение в рамках криминалистического исследования письма являются самостоятельными видами экспертизы.

Тенденция науки объединять и разделять сферы знания по схожести природы исследуемых объектов привела к тому, что некогда единый раздел криминалистики – почерковедение, трансформировавшись в результате научно-технического прогресса в отдельную отрасль – криминалистическое исследование документов, на данный момент включает в себя два самостоятельных направления: криминалистическое исследование письма, включающее в себя почерковедение и автороведение, и технико-криминалистическое исследование документов, разрабатывающее и совершенствующее методы, приемы и средства «с целью установления фактов, связанных с технической стороной изготовления документов в целом или отдель-

ных его фрагментов, отождествления материалов документов и средств их изготовления» [18, с. 326]. Вполне вероятно, что рано или поздно подобное разделение затронет и другой, ныне единый раздел криминалистики – криминалистическую фоноскопию. В принципе, как единая отрасль криминалистической техники, включающая в себя фонетический, лингвистический и акустический анализ звучащей речи, а также инструментальное исследование фонограмм, фоноскопия существует только в странах с советской криминалистической традицией, в то время как в большинстве зарубежных стран исследования проводятся в рамках самостоятельных научно-прикладных направлений в соответствии с различной природой исследуемых объектов и сферой используемых специальных знаний. В связи с этим в иностранной литературе речь идет о таких научных и прикладных дисциплинах, как «судебная фонетика», «судебная акустика», а само исследование чаще всего называется «аудио-речевой анализ» [13, с. 115]. Определенная логика в таком подходе, безусловно, присутствует, так как объединение специалистов разного профиля целесообразно для решения конкретных экспертных задач на основе комплексного исследования, в то время как в теоретических изысканиях различная природа исследуемых объектов и закономерностей, необходимость обладания специальными познаниями в разнородных отраслях науки и техники может привести к нарушению баланса научных исследований в пользу того или иного направления. Так, например, эксперт-фоноскопист с высшим техническим образованием в силу отсутствия необходимых специальных познаний в области филологии не может развивать научную и прикладную базу в сфере исследований речи в рамках криминалистической фоноскопии. В настоящее время у отечественных ученых отсутствует единое мнение даже о названии данного научно-прикладного направления в криминалистике. Используя различные доводы в пользу того или иного наименования, авторы публикаций говорят о существовании криминалистической (судебной) вокалографии, вокалоскопии, фонографии, лингвокриминалистики, криминалистической лингвоакустики, криминалистического исследования звукозаписей [6, с. 51, 55–58; 7, с. 11–13]. В качестве основного аргумента против «фоноскопии» выступает суждение, что данный термин, введенный в обиход польским криминологом А. Шварцом в 1964 г. по аналогии с дактилоскопией, не отражает все виды современных экспертиз, проводимых в рамках исследования видео- и звукозаписей [7, с. 11]. Вместе с тем вполне вероятно, что подобное расхождение во мнениях вызвано именно различной природой исследуемых в фоноскопии объектов, синтетически объединенных «под общей крышей» единого рода экспертиз. Порой и в самом деле сложно найти какую-то связь между исследованиями признаков монтажа фонограммы и акустической теорией речеобразования Гельмгольца. Здесь также вполне уместно припомнить слова Р.С. Белкина о том, что «признаком, ограничивающим один вид экспертизы от другого, является характер специальных познаний, играющих доминирующую роль при решении задач данного вида экспертизы» [3, с. 324].

В дополнение к уже существующим в криминалистике традиционным направлениям исследования устной и письменной речи в последнее время появились и интенсивно развиваются новые виды экспертиз, изучающие несколько иные аспекты речевой деятельности человека и устанавливающие различные речевые и языковые факты на основании анализа материально зафиксированного речевого сообщения. В РФ данные направления получили названия семантической экспертизы и экспертизы наименований [11]. Следует, однако, заметить, что в процессе формирования и развития данных видов исследований наблюдается очевидный отрыв от криминалистики, что является недопустимым, так как несмотря на то, что конкретные методики экспертных исследований основаны на интеграции комплексных теоретических знаний, методов и средств из различных отраслей науки и техники, «именно криминалистикой формулируются критерии допустимости использования того или иного метода в доказывании, условия применения этих методов, возможности исследования объектов» [12, с. 176]. Таким образом, любое вновь формирующееся направление судебно-экспертных исследований требует теоретического анализа, осмысления, обоснования и закрепления в системе данной науки.

Возникновение дискуссионных вопросов теоретического и методологического характера, возникающих во всех видах криминалистических исследований устной и письменной речи (как ранее существовавших, так и формирующихся в настоящее время), указывает на то, что в процессе развития эти виды количественно и качественно «переросли» отведенное им в криминалистике место, что создает определенную научную проблему, требующую разрешения. Анализ литературы наглядно демонстрирует, что решение всех существующих вопросов и противоречий невозможно в рамках отдельно взятого вида криминалистических экспертиз, что в первую очередь обусловлено сложной комплексной природой речи как объекта криминалистического исследования. Выходом из данной ситуации могло бы стать выделение в системе криминалистической техники единой отрасли, занимающейся разработкой теоретических и прикладных аспектов исследования речи в криминалистике. Развитию данной отрасли в криминалистике в немалой степени будет способствовать интеграция теоретических знаний, а также методов и средств исследований из современной лингвистики, которая в настоящее время накопила значительный объем научно обоснованных сведений о закономерностях механизмов порождения и восприятия речи и формах ее отражения в объективной реальности, осуществляя исследования на стыке с психологией, социологией, биологией и медициной. Попытки объединить в единый род экспертиз экспертные направления, использующие лингвистические познания, а конкретно фоноскопическую и автороведческую экспертизы, а также создать единую теорию криминалистической или судебной лингвистики предпринимались неоднократно, но, к сожалению, не увенчались успехом. Оказавшись невостребованным в криминалистике, исследование данной проблемы началось в рамках других дисциплин, и уже в 2003 г. Е.И. Галяшина в своей монографии говорит о формировании новой отрасли научного знания, которую она называет «судебным речеведением», однако рассматривает ее как «раздел прикладной лингвистики, посвященный изучению речевой деятельности и ее результатов в целях решения родовых задач судебной экспертизы устных и письменных произведений речи» [5, с. 5–9]. Возможно, сейчас, с появлением новых видов и направлений судебно-экспертных исследований устной и письменной речи и усугублением дискуссий в тех видах криминалистической экспертизы, которые считаются уже классическими, пришла очередь криминалистов вернуться к вопросу создания единой отрасли «криминалистического исследования речи». Однако в отличие от предыдущих попыток комплексирование теоретических знаний, методов и средств целесообразно осуществлять не на основании отрасли специальных познаний, являющейся основным источником интеграции, а исходя из сложно-структурированной природы речи как объекта исследования. Также, безусловно, фундаментом для образования новой отрасли должны стать частные криминалистические теории: теория криминалистической идентификации и криминалистическая теория отражения.

1. Криминалистика : учебник / Т.В. Аверьянова [и др.]. 3-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА, 2008.
2. Балашов Д.Н., Балашов Н.М., Маликов С.В. Криминалистика : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2009.
3. Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. / Р.С. Белкин. М. : Юристъ, 1997. Т. 2.

4. Бобовкин М.В. Почерковедение и почерковедческая экспертиза : курс лекций / под ред. В.В. Серегина. Волгоград : ВА МВД России, 2002.
5. Галяшина Е.И. Основы судебного речеvedения : монография / Е.И. Галяшина; под ред. М. В. Горбаневского. М. : СТЭНСИ, 2003.
6. Галяшина Е.И. Теоретические и прикладные основы судебной фоноскопической экспертизы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Е.И. Галяшина. М., 2003.
7. Каганов А.Ш. Криминалистическая экспертиза звукозаписей. М. : Юрлитинформ, 2005.
8. Криминалистика : учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристь, 2005.
9. Криминалистика : учебник / под общ. ред. А. Г. Филиппова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Высш. образование, 2009.
10. Письмо // БСЭ. 3-е изд. М., 1975. Т. 19.
11. Приказ Минюста РФ от 9 марта 2006 г. № 37 «Об утверждении Программы подготовки государственных судебных экспертов государственных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации по судебной лингвистической экспертизе // Эксперт-криминалист. 2007. № 2.
12. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М. : Норма, 2005.
13. Grewendorf G. Formal linguistics and law / G. Grewendorf, M. Rathert (eds.). Berlin : Mouton, 2009.

УДК 343.982.342

К.Н. Бадиков

МЕТОДИКА ТОПОГРАФИЧЕСКОГО КАРТИРОВАНИЯ ПАПИЛЛЯРНОГО УЗОРА

Развитие криминалистической науки подчиняется общим законам диалектики. Современные условия деятельности правоохранительных органов и их криминалистических отделов требуют соответствующих наукоемких технологий, применения интегральных методов исследования и привлечения данных различных наук.

Построение поисковой криминалистической модели личности (ПКМЛ) скорее относится к комплексному исследованию личности в рамках нескольких научных дисциплин, чем только к одной криминалистической науке. Именно комплексный характер знаний, на которые опирается нейропсихология и использует психодерматоглифика для построения ПКМЛ, определяет специфику диагностических экспертиз в криминалистике. Комплексный, многоплановый характер центральной проблемы построения ПКМЛ невозможен без понимания базового положения нейропсихологии «мозг представляет собой субстрат психических процессов».

Проблемами дерматоглифической диагностики заболеваний, физических и адаптационных возможностей человека занимаются: генетика, антропология, клиническая медицина, спортивная медицина, судебная медицина, психиатрия и т. д. Диагностическая достоверность и значимость медицинской дерматоглифики сформировалась на базе клинической генетики. Дерматоглифический метод наиболее информативен при хромосомных синдромах, но с расширением перечня морфологических (частных) признаков узора стал активно применяться в судебной медицине. Появилось новое направление медицинской дерматоглифики – «судебно-медицинская дерматоглифика». Тем самым расширился круг диагностических вопросов, относящихся к компетенции дерматоглифики.

В психодерматоглифическом исследовании, при построении ПКМЛ, используются данные психогенетики, нейропсихологии, нейрофизиологии, неврологии и психиатрии. Причиной столь широкого заимствования данных различных наук связано с комплексным характером исследования следов рук, с необходимостью интеграции и дифференциации дерматоглифических и клинических признаков нормы, патологии и клинического многообразия пограничных психических расстройств (ППР). При построении ПКМЛ следует учитывать связь клинических проявлений ППР с наличием минимальных дисфункций мозга (МДМ), а соответственно и определенной психопатологической картины [5, с. 178].

«Согласно теории системной динамической локализации высших психических функций психические явления надо относить не только непосредственно с мозговыми структурами, а с протекающими в них физиологическими процессами» [6, с. 372]. С позиций психодерматоглифического анализа изложенное является основанием к установлению принципов картирования папиллярного узора независимо от наличия или отсутствия патологии ЦНС. В целях построения ПКМЛ полученные отпечатки пальцев рук нами картировались на девять квадратов. Такое количество квадратов, с нашей точки зрения, дает возможность в достаточном объеме «извлечь» и систематизировать информацию, заложенную на коже дистальных фаланг пальцев рук.

Для построения ПКМЛ имеют значение все нозологические единицы, прямо или косвенно влияющие на поведение человека. Особое внимание мы уделяем дерматоглифике минимальных дисфункций мозга (МДМ). Для МДМ характерны: гипертормозимость, моторная неловкость, рассеянность, двигательная расторможенность, импульсивность, инфантилизм, эмоциональная лабильность, снижение уровня социальной адаптации, фобии, приводящие к формированию оппозиционно-го и агрессивного поведения.

Минимизация следов на месте преступления, их низкое качество вызвали необходимость создания идентификационных методов и алгоритмов установления общих признаков личности методом дерматоглифики. В настоящее время исследования в данной области ведутся в Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова г. Санкт-Петербурга [1, с. 25–29]. Остается не разработанной проблема установления ведущих психологических свойств и состояний личности посредством дерматоглифического анализа. Фактически диагностические методы исследования следов рук в криминалистике позволяют ответить на вопросы скорее морфологического или морфогенетического характера с минимизацией психологически значимой информации. За пределами познания остается и корреляция психологии и дерматоглифики единичного отпечатка следа папиллярного узора, т. е. отпечатка одного пальца руки. Тем самым психодерматоглифике предстоит интегрировать научные представления психогенетики, нейропсихологии, нейрофизиологии, неврологии и психиатрии в одном направлении – создании интегрального представления о личности, учитывающего все уровни взаимодействия на формирование личностных свойств.

Детализация признаков описания папиллярного узора как характерная черта дактилоскопии, с одной стороны, и интегративная оценка всего дерматоглифического фенотипа при производстве психодерматоглифических экспертиз – с другой, позволяют перейти на более высокий уровень диагностики. Особое диагностическое значение приобретает накопленный опыт опосредованной идентификации по одному пальцевому узору что, в свою очередь, позволяет приблизиться к решению диагностических задач, используя принцип «от пальца к пальцу, от признака к признаку», а затем успешно их решить, используя принцип «от всех пальцев к каждому пальцу, от всех признаков к каждому признаку». Изложенное послужило для нас отправной точкой к исследованию единичных следов пальцев рук в целях построения ПКМЛ.